

Владислав Аксенов

«Красная баба идет»: женские погромы в годы Первой мировой войны

(ОТ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ К СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ)

Vladislav Aksenov

“The Red Woman is Coming”: Women’s Pogroms During World War I
(From Base Emotions to Sociopolitical Violence)

Владислав Аксенов (Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук) vlaks@mail.ru.

Vladislav Aksenov (Dr. habil.; Senior Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences) vlaks@mail.ru.

Ключевые слова: женские погромы, Первая мировая война, солдатки, красная баба, история эмоций, гендерная история

Key words: women’s pogroms, World War I, female soldiers, red woman, history of emotions, gender history

УДК: 94.4+94.5

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_133

UDC: 94.4+94.5

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_133

В статье анализируется феномен бабьих бунтов периода Первой мировой войны в социально-психологическом и культурном контекстах. Автор обращает внимание на рождение в начале XX века образа «красной бабы», который современники посчитали символом революционной стихии. В годы Первой мировой войны в этой стихии проявились архаизация сознания и высокая роль слухов как фактора протестной активности, усиление ксенофобий и связанных с ними этнических стереотипов, аккумуляция ненависти к низовым представителям власти. Распространявшееся за пределы сельской местности насилие крестьянок, беженок превращало города в пространство эмоциональных, культурных, социально-политических конфликтов и в каком-то смысле «раскультивировало» современный город. При этом женское погромное движение нельзя объяснять исключительно экономическими факторами военного времени, в нем проявился социально-ролевой конфликт традиционного и современного статусов женщины.

This article analyzes the phenomenon of women’s revolts during the World War I period in socio-psychological and cultural contexts. The author pays attention to the birth in the early twentieth century of the image of the “red woman,” which contemporaries considered a symbol of the revolutionary element. During World War I, this element manifested the archaization of consciousness and the outside role of rumors as a factor of protest activity, the strengthening of xenophobia and the ethnic stereotypes associated with it, and the accumulation of hatred towards local representatives of power. The violence of peasant and refugee women, which spread beyond the rural areas, turned cities into spaces of emotional, cultural, and sociopolitical conflicts and, in a sense, “uncultivated” the modern city. At the same time, the women’s pogrom movement cannot be explained solely by the economic factors of wartime; it revealed the social and role conflict between the traditional and modern statuses of women.

Во время декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве художник Ф.А. Малявин пишет картину «Вихрь», на которой в импрессионистической манере изображает пляшущих крестьянок. Их красные сарафаны и платки развиваются как языки пламени, а полные торжества смуглые лица как будто таят угрозу. И.Е. Репин оставил о ней восторженный отзыв:

А у нас в России гениальным представителем нового вида искусства я считаю Ф. Малявина. А самой яркой картиной революционного движения в России — его «Вихрь». Еще издали это большое полотно поражает вас цветом свежей крови, залившей всю картину... Подходя, вы замечаете в хаосе окровавленных лохмотьев загадочно пляшущих русских баб... В лицах и движениях фигур видна холодная оргия медленных движений и затаенной жестокости на спокойных с виду лицах¹.

Характерно, что спустя несколько лет Репин в картине «17 октября 1905 г.» также использует образ дородной, одетой в красное платье женщины, высоко поднявшей красный букет, и уже В.В. Розанов в своей рецензии на полотно Репина, рассуждая о женской революционной активности, использует слово «вихрь» — сближая тем самым холсты Малявина и Репина. Хотя сам Розанов давал антисемитско-конспирологическую интерпретацию событий 1905 года, описывая репинскую картину, он отметил стихийную народно-архетипическую природу революции: «Русская масленица. Репин, не замечая сам того, нарисовал “масленицу русской революции”, карнавал ее, полный безумия, цветов и блаженства»².

Образ красной бабы оказался востребованным в художественном и публицистическом пространствах империи, так как перекликался с модерными гендерными процессами, протекавшими в России с конца XIX века [Стайте 2004; Щербинин 2004; Энгельштейн 1996]. Эти процессы пугали консервативно настроенных современников в силу того, что разрушали некоторые стереотипы традиционно-патриархального общества. Даже некоторые либеральные издания не без тревоги рассказывали о феминизме и устрашали своих читателей фотографиями уличных акций английских и американских суфражисток. «Петербургский листок» описывал устроенное суфражистками побоище в Лондоне, во время которого женщины избивали кнутами и палками полицейских, для пущей убедительности иллюстрируя рассказ рисунком³. Примечательно, что одна из статей на эту тему в «Синем журнале», несмотря на очевидную принадлежность суфражисток к образованным слоям общества, была названа «Бабий террор». В ней автор перечислял методы борьбы женщин за избирательные права, к которым относил поджоги церквей и уничтожение произведений искусства⁴. Тем самым «хулиганствующая баба» становилась символом архаичного бунта модерного времени, в чем нет ничего удивительного: культура модерна, как лотмановская «культура взрыва», формировавшаяся в противостоянии с традицией, унаследовала от последней ее родовые архаические формы. Вместе с тем архаика и модерн — это не только культуры и типы обществ с их формальными социальными структурами, но еще пласты сознания, сосуществующие на разных уровнях в каждом человеке. В кризисные периоды архаика вырывается наружу через эмоции и аффекты, в результате чего даже с образованных женщин слетает налет культуры, и они целиком отдаются погромному настроению. Это происходило, например, во

-
- 1 Новое о Репине: Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации / Ред.-сост. И.А. Бродский, В.Н. Москвинов. Л.: Художник РСФСР, 1969. С. 20.
 - 2 *Розанов В.В.* Среди художников. СПб.: Тип. тов-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. С. 457.
 - 3 Петербургский листок. 1914. 1 марта.
 - 4 Синий журнал. 1914. № 22. С. 12.

время разгрома немецкого посольства в Петербурге 22 июля 1914 года или во время антинемецкого погрома в Москве 26—29 мая 1915 года.

Метафора бабьего бунта подчеркивала эмоциональную природу и стихийность женского движения, которое противопоставлялось организовано-рациональной деятельности мужчин. Соответственно, слово «баба» обрело новые смыслы: помимо крестьянок или впавших в состояние аффекта дам из высшего общества, оно обозначало мужчин, чья эмоциональность в суждениях и поступках не соответствовала известным стандартам. Так, восторгавшийся репинским безумным карнавалом революции Розанов стал в 1914 году объектом критики со стороны Н.А. Бердяева. В очерке «О “вечно-бабьем” в русской душе» Бердяев обвинял Розанова в языческом мистицизме, подчинении разума чувствам, которые становятся угрозой для России:

Розанов — гениальная русская баба, мистическая баба. И это «бабье» чувствует-ся и в самой России... «Розановское», бабье и рабье, национально-языческое, до-христианское все еще очень сильно в русской народной стихии. «Розановщина» губит Россию, тянет ее вниз, засасывает, и освобождение от нее есть спасение для России⁵.

Следует заметить, что некоторые патриархальные стереотипы о женской психологии находили известные подтверждения в силу их социальной детерминированности. Так, более низкий уровень женского образования не способствовал последовательности в суждениях, высказываниях крестьянок, заставляя недостаточную аргументированность компенсировать излишней эмоциональностью. Тяжелое положение в городах мигранток из деревень заставляло их действовать более агрессивно. Город становился пространством эмоциональных конфликтов, столкновения двух эмоциональных режимов: закрытого, сдержанного, городского и открытого деревенского. При этом гендерные стереотипы предопределяли снисходительное отношение к женщинам со стороны представителей силовых структур, чем нередко пользовались представительницы низших сословий. Как следствие, протест женщин-работниц в городах нередко принимал более острые формы, чем у мужчин [Astashov 2022: 92].

В деревнях складывалась своя традиция участия крестьянок в погромах, в которых за бабами закреплялись определенные роли. Исследователи обращают внимание, что еще накануне первой революции мужики прикрывались женщинами, пуская их первыми в «бой». Часто крестьянский погром начинался с того, что громить усадьбу принимались бабы, а мужики присоединялись только после того, как удостоверяться в отсутствии карательных инициатив представителей власти. Управляющий именем Трепке Полтавского уезда сообщал в 1902 году следственной комиссии: «Сначала явились бабы и занялись мелким хищением, а мужчины прятались, выглядывая по временам из-за изгородки и вошли в дело лишь тогда, когда убедились в безнаказанности баб» [Кабытов 1999: 57]. В июне 1914 года в Ставропольской губернии вспыхивали протесты крестьян против введения земств (ходили слухи, что это приведет к возвращению крепостного права). Жандармы писали в отчетах, что агрессивнее всего вели себя бабы, объясняя это тем, что «женщины, как наи-

5 Бердяев Н.А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1918. С. 32, 41, 42.

более консервативный элемент, реагируют сильнее на новшества», и отмечали, что мужики сознательно выдвигали «на первый план женщин — в наивной уверенности, что “на бабу суда нет”» [Шестаков 1927: 116].

Другая функция бунтующих крестьянок и работниц — эмоциональное стимулирование мужчин. Во время рабочих беспорядков весны — лета 1914 года, когда городовые с дворниками пытались убедить митингующих разойтись, нередко истеричные крики женщин (а также подростков) провоцировали агрессию толпы против представителей власти. Помимо этого находящимся в состоянии аффекта бабам приписывалась особая жестокость, что, например, отмечалось во время беспорядков на Лысьвенском заводе в июле 1914 года. Толпа не просто убивала представителей администрации, но и предварительно издевалась над ними — в раны умирающих вставляли папиросы [Забуга 2010: 136]. В рапорте окружного инженера А.А. Иванова сообщалось: «Особенно, говорят, бесчинствовали женщины»⁶.

Это несколько расходится с традиционными взглядами на женскую психологию, приписывающими женщинам большую эмпатию. Исследования не подтверждают гендерно-биологическую предрасположенность к эмпатии, равно как и связь агрессии с тестостероном [Берн 2001: 102, 109]. Более значимой причиной склонности к агрессии является социальный фактор. А. Моц, клинический психолог, работавшая в женских исправительных учреждениях, рассматривает превращение женщины-жертвы в женщину-убийцу как акт восстания против установившихся ролей [Моц 2021: 351]. В российском женском насилии периода модернизации можно отметить фактор конфликта старых и новых социальных функций, который обостряется с началом Первой мировой войны. Женщина во время войны неизбежно эмансипируется, берет на себя часть мужских обязанностей, мужских профессий, но по-прежнему сталкивается с правовой и экономической дискриминацией. Традиционное общество требует от женщины быть женой и матерью, но начатой мобилизацией государство ограничивает такие возможности, а социальная роль хозяйки ущемляется инфляцией и продовольственным кризисом, в результате чего возникает когнитивно-ценностный диссонанс. Однако было бы ошибкой считать единственной причиной этого социально-ролевого конфликта политику власти — нередко сами крестьянки оказывались ментально не готовы к исполнению новых ролей, предпочитая архаические формы протеста против несовершенства современности. Ряд исследователей считают, что Первая мировая война усилила патриархальность общества и гендерные стереотипы. Даже те женщины, которые активно включались в освоение мужских профессий, делали это вынужденно, воспринимали свои новые социальные роли как временные, считая, что выживание их семей зависит от стабильности патриархальных отношений [Davydov, Kozlova 2022; Kuhlman 2008; Worobec 1991].

Наблюдая за тем, как женщины из низших сословий осваивали профессии кондукторш, извозчиц и дворниц, некоторые современники надеялись, что энергия «некрасовских женщин» поможет им не только адаптироваться к мужским профессиям, но и отреагировать на новые вызовы времени в соответствии с патриотическими задачами. Корреспондент «Огонька» сопоставлял солдата, воюющего на фронте с немцами, и дворницу, борющуюся в тылу с «темными

6 Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. Пермь (1911—1914). Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2007. С. 339.

силами»: «В то время, как муж... геройски сражается с коварным внешним врагом, жена его — бляха № 138 — помогает вести борьбу с все еще бодрствующим внутренним врагом»⁷. Но на практике произошло нечто иное: широко трактуемое понятие «внутреннего врага» в условиях социально-ролевого кризиса неизбежно политизировало и революционизировало активность баб. Тем самым женское бунтарство 1914—1917 годов можно рассматривать как феномен кризиса патриархального общества периода модернизации, усиленный войной.

В историографии женского насилия справедливо делается акцент на бунтах солдаток — наиболее уязвимой категории женщин [Энгл 2010; Vadcock 2004; Baker 2001; Morrison 2023]. При этом исследовательский фокус чаще ограничивается событиями 1917 года, когда происходит стихийная самоорганизация различных групп населения, в том числе и солдаток. Вместе с тем, хотя феномен бабьих бунтов известен с давних времен, именно Первая мировая война положила начало новому, весьма специфическому периоду женского бунтарства. Предопределенные, как и продовольственные беспорядки, проблемами распределения благ, бунты солдаток демонстрируют вместе с тем и гуманитарную сторону женского протеста, связанную с разрушением семейных отношений, переживаниями за жизнь мужчин, ушедших на фронт, оставшихся без отцов несовершеннолетних детей (что провоцировало нервные и психические расстройства у женщин⁸). Ряд историков рассматривают крестьянское движение (в том числе бабьи погромы) в контексте теории А. Чаянова — Э. Томпсона о «моральной экономике», когда традиционные представления о справедливом распределении товаров вступали в противоречие с рыночными отношениями [Энгл 2010; Smith 2011]. В этом также обнаруживается инерция традиционного мышления модерной эпохи, архаическая модерность как ментальный феномен⁹ (в том числе проявлявшаяся в сопровождавшей городские бабьи бунты ксенофобии). Очевидно, что именно комплекс проблем, а не только банальная «жажда хлеба» толкал российских женщин на проявления жестокости и насилия.

Показательно, что положение солдаток было маргинальным в традиционно-патриархальной системе и провоцировало различные конфликты. Матери солдат — большачки — не готовы были мириться со снижением своего статуса в сравнении с невестками и возмущались тем, что царь, выдавая деньги солдаткам, считает матерей «дешевле жен». Мужики, недовольные ростом финансовой независимости женщин, заявляли, что пособия развращают крестьянок, которые начинают вести праздный образ жизни¹⁰. В конце концов, в патриархальном сознании формируется мнение, что «солдатки за деньги продали своих мужей»¹¹. Это, конечно, не соответствовало действительности. «...его матери, нехай верне мини мужа, я его грошами не нуждаюсь», — матерно об-

7 Огонек. 1915. № 46. С. 15.

8 Бутенко А.А. Война и психические заболевания у женщин // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. Ежемесячный журнал. 1914—1915. № 10—12. С. 523.

9 Или то, что И.В. Герасимов в своей не бесспорной работе назвал «плебейской модерностью», с поправкой, что это понятие не столько социальное, сколько психологическое [Gerasimov 2018].

10 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 101 об., 123.

11 Там же. Л. 530 об.

ругала Николая II тридцатилетняя крестьянка Киевской губернии Александра Побережная в ответ на напоминание о том, что царское правительство заботится о солдатках, выплачивая им пособия¹².

В период мобилизации едва ли не самым ярким символом России стал образ плачущей женщины, который врезался в память многим свидетелям. Офицер И. Ильин описывал психологическую атмосферу на железнодорожной станции 19 июля 1914 года:

На станции Спасская Полесье стон и плач. Откуда-то вдруг взялась масса женщин. Пристают, спрашивают — правда ли, что война? Одна баба так рыдает, что меня даже зло взяло: и чего ревет! Ведь даже точно ничего еще не знает. Она была в шляпке и, видимо, не крестьянка, бабы попроще, деревенские, ее же утешали¹³.

И. Зырянов вспоминал отправку запасных в губернский город:

В деревне самый разгар полевых работ, а бабы, приехавшие в городок с мобилизованными мужьями, ни за что не хотят уезжать домой, дожидаются отправки. Они, как тень, как жалкие, покорные собачонки, бродят за мужьями, голосят, причитают... Горе сразило баб. Лица у баб красны и опухли от слез... Бабы задержали отправку поезда на два часа... После третьего звонка многие с причитанием бросились под колеса поезда, распластались на рельсах, лезли на буфера, на подножки теплушек. Их невозможно было оторвать от мужей. Это проводы¹⁴.

Молодая дворянка Х.Д. Семина, жена военного врача, описывала похожие сцены в городе Шемаха Бакинской губернии, когда после объявленной мобилизации «поднялся такой плач и вой женщин и детей, что прямо жутко стало»¹⁵. Дорогу на станцию, проходившую мимо ее дома, Семина назвала «дорогой слез». Тем не менее говорить об осознанном антивоенном движении солдаток не приходится. Эмоции выражали неприятие войны и мобилизации, но не обретали идейного и тем более деятельно-политического высказывания, оставаясь в рамках традиционных ритуальных проявлений.

Плачущие женщины вызывали сильное раздражение у преисполненной энтузиазма «патриотической общественности». Зырянов описывал реакцию знакомого вольноопределяющегося, рассуждавшего о солдатках:

Какое жалкое создание эта русская баба!.. Я вот смотрю на них из окна каждый день и думаю: не ошибка ли природы? Зачем, для чего они живут на свете? Ходят по городу и канючат вместе с ребятами. Кого это трогает? Плачущая баба «заслуживает не больше внимания, чем босой гусь»¹⁶.

Конфликт эмоциональных состояний разных групп населения усиливал нервозность общества и в конечном счете приводил к выплеску агрессии.

12 Там же. Л. 388.

13 Скитания русского офицера. Дневник Иосифа Ильина. 1914—1920 / Подгот. текста, вступ. ст. В. Жобер; примеч. В. Жобер и К. Чащина. М.: Книжница: Русский путь, 2016. С. 19.

14 Арамилев В.В. В дыму войны: записки вольноопределяющегося: 1914—1917 годы. М.: Кучково поле, 2015. С. 8—10.

15 Семина Х.Д. Записки сестры милосердия: Кавказский фронт, 1914—1918 / Вступ. ст. и примеч. Д.И. Бологиной. М.: Кучково поле: Горные технологии, 2016. С. 24.

16 Арамилев В.В. В дыму войны... С. 8.

Довольно скоро эмоция горя у женщин стала вытесняться эмоцией гнева. Крестьянки почувствовали, как война легла на их плечи тяжелым физическим трудом. В заметке «Женщины», опубликованной «Русским словом», крестьянка-торговка, отправившая на войну всех своих шестерых сыновей и потому вынужденная в одиночку тянуть торговлю, рассказывала о феминизации сельского хозяйства: «Вся деревня теперь бабья. Бабой Русь православная держится... Изо всех губерний, сдается, наша, Калужская, самая бабья губерния. Баба пашет, баба сеет, баба косит, баба жнет. Баба в мужики пошла»¹⁷. В самом начале войны А.В. Чайнов пытался успокоить читателей тем, что в тех губерниях, где мужское население традиционно было занято промысловыми работами, в то время как «женщина пашет, женщина косит, женщина молотит», «выемка мужского труда... значительно меньше затрагивает сельское хозяйство», однако по мере затягивания военного конфликта утешительные прогнозы не оправдывались¹⁸. В составленных на подданных Российской империи полицейских протоколах за оскорбление представителей династии особенно эмоциональные высказывания принадлежат женщинам-крестьянкам, в которых нередко высказывались угрозы физической расправы над Николаем II: «Когда его поймут, то я первая выколю ему глаза вилкой и чтобы его порубили на котлеты»; «Если бы он мне попался, я бы его, сукина сына, так, вот так разорвала»; «Взяла бы я царя и разорвала его пополам за то, что он требует недоимку»; «Если бы этот царь попался мне на глаза, то я бы его зубами и руками раздернула, а если бы попало мне ружье, то я бы его из ружья застрелила»; «Если бы я теперь встретила этого глупого Николашку, то вцепилась бы в него и вырвала бы ему кишки»¹⁹.

С течением времени именно в женской среде ярче всего начало проявляться раздражение от войны. В июле 1916 года начальник Московского губернского жандармского управления сообщал директору департамента полиции, что в губернии пожелания мира чаще всего высказывают бабы, «не интересующиеся тем или иным исходом войны». При этом ждущим мира крестьянкам противопоставлялось фабричное население «как более развитое и разбирающееся в создавшемся положении» и потому желавшее не мира, а победы²⁰. Те же настроения крестьянок отмечал весной 1916 года предводитель тверского дворянства П.П. Менделеев, когда передавал разговор с бабами, спрашивавшими, скоро ли будет мир. Менделеев ответил, что сначала нужно прогнать врага, не то «он придет и к нам, в Тверскую губернию». «Так что же, пускай приходит, — говорят бабы, — нам под немцем, может, выгоднее жить будет»²¹.

Необразованные крестьянки не только наиболее ярко выражали свои эмоции, но и становились разносчицами абсурдных слухов. Военные власти организовывали даже массовое выселение женщин без определенных занятий из городов прифронтовой полосы, опасаясь не только разлагающего воздействия слухов, но и того, что вместе с ними бабы могли выдать военные тайны [Asta-

17 Русское слово. 1916. 9 октября.

18 Чайнов А. Война и крестьянское хозяйство. М.: Т-во И.Н. Кушнерев и К^о, 1914. С. 10.

19 РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 77 — 77 об., 216 об., 309, 423, 506.

20 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 125. Д. 4. 1916. Д. 42, ч. 9. Л. 24—24 об.

21 Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864—1933 / Вступ. ст. К. А. Соловьева; коммент. А.В. Сазанова, К.А. Соловьева. М.: Кучково поле; Имп. Русское историческое о-во, 2017. С. 381.

show 2022: 80—82]. Но остановить стихию слухов было не просто, в конце концов они проникали в города и начинали повторяться представителями образованных слоев населения. Л.А. Тихомиров пересказывал разговоры на рынках:

Вот, например, толкуют бабы, крестьянки, привезшие на продажу всякие продукты. Она громко говорит, что везде во власти изменники. На возражение, что не нужно верить этому вздору, — она говорит: «Какой там вздор, царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся на наш счет, и побеждают нас». Напрасны возражения, что это нелепость, и что физически невозможно посылать поезда... баба отвечает: «Ну уж там они найдут, как посылать»... Ей говорят, неужто она, дура, не понимает, что Государь ничего подобного не допустит? Она отвечает: «Что говорить о Царе, его уже давно нет в России». — «Да куда же он девался?» — «Известно, в Германию уехал». — «Да, глупая баба, разве Царь может отдать свое царство немцам?» — Она с апломбом отвечает: «Да ведь он уехал на время — только переждать войну»²².

Охранное отделение и Департамент полиции отмечали, что подобные абсурдные слухи, демонстрировавшие кризис общественного доверия к власти, становились причинами стихийного погромного движения. Например, летом 1916 года в Балтском уезде Подольской губернии было зафиксировано 25 выступлений солдаток-крестьянок, закончившихся уголовными делами. Поводом к этим выступлениям послужил слух, что производившаяся в это время по распоряжению министерства земледелия статистическая перепись населения имеет целью возвращение крепостного права²³. Во время беспорядков в Балтском уезде толпы солдаток избивали земских служащих и священников. Бабьи бунты в деревне имели и вполне рациональную причину — протест против земельных переделов до возвращения мужей с войны, что имело место уже в сентябре 1914 года. Случалось, что собиравшиеся в деревнях женские толпы отправлялись чинить погром в ближайшие уездные города. Толпа солдаток в сто человек села Четвертаково Симбирской губернии в 1915 году устроила погром отрубников, два дня забрасывала камнями их дома, выкрикивая: «Наши мужья проливают кровь на войне, а вы хотите без них отобрать у нас землю» [Шестаков 1927: 115]. Затем солдатки организовали поход в уездный город Ардатов, где их разогнала полиция. Это стирало различия между деревенским и городским женским погромным движением.

Если классифицировать бабьи бунты по их причинам, то можно выделить следующие основные группы: бунты солдаток и беженок из-за невыплаченных или задержанных пособий; продовольственные погромы хозяек и работниц; беспорядки работниц из-за условий труда или угрозы увольнений; бунты крестьянок в связи с земельными разделами²⁴. Помимо этого, в зависимости от места и времени, во время погромов проявлялись конфликты на этнической и религиозной почве, а также могли звучать и политические лозунги. В городах агрессия женщин часто оказывалась обращена на полицию не только в связи с тем, что та противодействовала бунту, или из-за того, что полиция

22 Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 95—96.

23 Русское слово. 1916. 23 октября.

24 В данной статье изучается женское погромное движение в городах, поэтому конфликты на почве земельных разделов рассмотрены не будут.

была доступным представителем ненавистной власти, но и потому, что женщины, особенно солдатки, видели в полиции трусов и предателей («фараонов»), вместо которых их мужья ушли на фронт. Важно, что практика погромов формировала тактику и стратегию уличного протеста, использованные в феврале 1917 года. Не случайно генерал-майор отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридович называл женщин и детей «застрельщиками революции»²⁵.

Уже в первые дни войны задержки с выплатами денежных пособий солдаткам становились поводом к бабьим бунтам в городах. Один из первых непосредственно женских бунтов произошел в последних числах июля в Царицыне: собравшаяся у здания мужской гимназии толпа женщин стала требовать письменного удостоверения относительно выдачи дальнейших пособий и после отказа принялась избивать полицейских. К ним присоединились запасные и учащиеся. В итоге были вызваны войска, открывшие огонь по толпе. В частном письме указывалось, что при подавлении беспорядков было убито 20 и ранено 80 человек²⁶.

Монархистка С.Л. Облеухова вынуждена была признать, что власти не справляются со взятыми обязательствами поддержания семей запасных. В письме от 11 августа 1914 года она так описывала сложившуюся в Петрограде ситуацию:

Дело в том, что несмотря на широко поставленную помощь семьям запасных, во многих попечительствах относятся к ним с возмутительной грубостью и денег не дают. Происходят сцены прямо невероятные. 400—500 женщин приходят каждый день за пособием, им ничего не объясняют и гонят прочь. В другом месте на 600 женщин сторож выбрасывает в толпу 150 билетиков на право получения нескольких рублей. Происходит свалка, жандармы на лошадях врзаются в толпу и «оттесняют» женщин. Сегодня в 7-й роте, д. 10, во время давки из-за брошенных билетов задавили насмерть ребенка. Я не верила всему этому, но ко мне лезут бабы с детьми, плачут и клятвенно уверяют, что это правда²⁷.

Судя по частной корреспонденции, самое сильное возмущение солдаток вызывало отношение к ним властей в Одессе. Здесь в течение трех недель не выдавали пособий. В итоге протест одесситок вылился в погром, в котором проявились не только экономические, но и политические мотивы: женщины, вероятно, в память о бунтах 1905 года наспех сооружали красные знамена, которые затем у них отбирала полиция. В письме из Одессы от 12 августа современник сообщал:

Вчера здесь был бабий бунт. Жены запасных, не успевшие получить в Гор. Думе денег, собрались, вероятно, под влиянием чьей-то агитации, большой толпой и направились к зданию Думы. Здесь они учинили дебош: побили стекла и т.д. Между прочим, ранен пристав один. Затем устроили они дебош в «Европейской» гостинице, у кондитерской Робина и др. местах. В конце концов у одной отобрали «знамя», какую-то широкую деревяшку, аршина два длины. Потом группы одесских «суфражисток», человек по десять, заходили в магазины и просили денег²⁸.

25 Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. 1914—1917 гг.: В 3 т. Т. 3. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. С. 36.

26 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1121.

27 Там же. Д. 993. Л. 1225.

28 Там же. Л. 1242.

Протестные выступления солдаток в Одессе продолжались весь август. Монархист, председатель Одесского союза русских людей Н. Родзевич писал 1 сентября 1914 года:

В здешней городской управе оппозиция крепнет. Недавно бабы, жены запасных, разгромили камнями всю городскую управу, — снаружи не осталось ни одного целого стекла. Три недели их водили за нос, приказывая придти «завтра». Вдобавок С. Альбрандт предложил им заработок на Дерибасовской улице, — это и было искрой. Едва усмирили. Потом толпа пошла по городу, врываясь в магазины съестных припасов и требуя хлеба. Только к вечеру все успокоилось. Около 40 баб арестовали, а управская сволочь осталась безнаказанной²⁹.

Симптоматично упоминание послания солдаток «на Дерибасовскую». На протяжении Первой мировой войны власти недооценивали революционно-политический потенциал бабьих бунтов, рассматривая их как проявление низкой сознательности. В отчетах полиции о продовольственных беспорядках женщины обычно фигурировали в связке с подростками и хулиганами, но в некоторых случаях (как, например, во время самарского погрома 5 ноября 1916 года) делался акцент на том, что бунтующие бабы — это проститутки³⁰.

С течением времени ситуация с пособиями становилась все более тяжелой. В 1915 году в очередях за пособиями к солдаткам добавились беженки, попечительства при городских управах не справлялись с наплывом женщин и постепенно становились эпицентрами скандалов. Петроградское охранное отделение отмечало в августе 1916 года, что женщины-энтузиастки из высшего общества, работавшие в попечительствах на добровольных началах в первые месяцы войны, эмоционально выгорали и увольнялись, а на их место брали неопытных барышень или аферисток, которые приворовывали или обсчитывали одних и назначали большие выплаты другим. Но и просительницы набирались «опыта» и старались обмануть попечительства. Например, подавали листы на имя умершего ребенка или уехавших в другой город людей. В докладе охранки отмечалась распространявшаяся среди женщин психология иждивенчества, при этом некоторые из них, в соответствии с усвоенными традиционно-патриархальными ролями, отказывались искать работу, ожидая возвращения мужей-кормильцев с фронта:

Обилие пособий в начале войны развратило женщин, приучило их к пользованию бесплатными обедами, квартирами и т.п.; в результате развилось страшное попрошайничество солдаток: многие из них предпочитают потерять целый день, ожидая очереди выдачи 3 руб., в то время как они за это время могли бы заработать на фабрике не менее 6—7 руб. Попечительства пытались бороться против превращения солдаток в своего рода «пенсионерок» попечительств, но из этого ничего не вышло: при случаях отказа солдатки грубили и дерзко кричали — «сами приучили к казенным деньгам, а теперь отнимаете их, верните нам мужей и мы сами не пойдём к вам...» Вообще же отношение женщин к попечительствам за последние месяцы стало просто невозможным: матерная брань, которой обсыпают разъяренные бабы служащих, висит, например, в воздухе при раздаче пайка в XIII попечительстве. Обычны выражения, когда женщина, изнуренная

29 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1393.

30 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 5, ч. 11. Л. 19.

дороговизной и недостатком продуктов, утомленная бесконечным ожиданием в очереди, кричала служащим попечительства: «ты украла мои деньги... Я пойду жаловаться... этого не прощу тебе, сук... дочери». Со служащими от этого сначала делались обмороки, но теперь они привыкли к этому...³¹

Вместе с тем отмечалось, что и служащие женщины позволяли себе несдержанность в отношении просительниц, в частности тыкали и называли последних «подлыми бабами» и «хулиганками»³². Нередко вспыхивавшие конфликты, когда работницы попечительств прекращали прием разгневанных женщин, приводили к погромам: просительницы от угроз переходили к действиям и начинали бить стекла и выламывать закрытые двери. Полиция составляла протоколы после разгрома попечительств и отмечала, что практика выстаивания очередей в попечительствах формировала тактику коллективных действий и своеобразную «бабью солидарность», которая проявлялась и во время продовольственных бунтов.

Продовольственные погромы в России начались одновременно с бунтами солдаток из-за пособий. «Петербургский листок» уже 26 июля 1914 года сообщал о погроме в селе Смоленском за Невской заставой:

Вчера хозяйки, явившись в рынок, узнали о новом повышении цен почти на все продукты первой необходимости. Они напали на ларьки торговцев и уничтожили весь товар. Разгром рынка отличался не меньшей жестокостью и не меньшим озлоблением, чем разгром немецкого посольства... Торговцы понесли весьма существенные убытки и после этого согласились понизить цены на все продукты до прежней нормы.

28 июля разгрому подвергся рынок в Петербурге на Безбородкинском проспекте³³. При этом продовольственные погромы, устраивавшиеся хозяйками и работницами из низов, имели как минимум одно принципиальное отличие от бунтов солдаток: к первым нередко присоединялись мужья, — как правило, возвращавшиеся со смены рабочие, — что расширяло социальную базу и поднимало градус агрессии. Случалось, что на следующий день после женского погрома начиналось брожение в рабочей среде — мужики бросали работу и шли освобождать арестованных жен [Кириянов 1993: 5—6].

Продовольственные погромы сопровождалась агрессией женщин в адрес полиции, тем самым экономические мотивы легко трансформировались в политические акты. В июне 1915 года в селе Гордеевка Нижегородской губернии 10-тысячная толпа женщин устроила «ревизию» запасов сахара в лавках. Полиция ничего не могла поделать с женщинами, в то время как последние кидали в них камни. 7 августа 1915 года женский погром произошел в Колпине Петроградской губернии, в котором участвовало 400 человек. Поводом стал рост цен на овощи. В полдень одна из покупательниц обвинила торговца в спекуляции, вспыхнула ссора, женщины устроили погром, но вскоре были разогнаны полицией. Однако они не успокоились и отправились за подмогой к своим мужьям. К 5 часам вечера собралась уже смешанная толпа мужчин и женщин, с которой полиция не могла справиться шесть часов. Лишь в 11 часов вечера

31 Там же. Д. 61, ч. 9, лит. А. Л. 63 — 63 об.

32 Там же. Л. 64.

33 Петербургский листок. 1914. 29 июля.

погром был остановлен. Любопытно, что разгрому подверглись заведения разного характера: не только продовольственные лавки, но и парикмахерская (вероятно, украли одеколон, который поднялся в цене в условиях сухого закона), табачные и писчебумажные лавки. В итоге полиция арестовала десять женщин-зачинщиц³⁴.

Поводами для продовольственных погромов становились не только высокие цены на продукты, но и низкое качество товаров (например, испортившийся продукт или продажа мороженого мяса под видом парного) или их отсутствие. Часто возникали подозрения, что продавцы прячут продукцию. Так, в апреле 1915 года на рынке села Смоленского женщины, возмущенные отсутствием мяса, стали громить подряд все лавки. Прибывший наряд полиции задержал 22 наиболее активные женщины и 19 мужчин³⁵. Позже стали распространяться слухи, что существует «черный рынок», на котором лавочники продают продукты лишь тем, кто заранее согласился покупать их по завышенным ценам. В этом случае толпа женщин не только набрасывалась на лавочников, но и могла отомстить хозяйкам, заподозренным в уплате повышенных такс. Так, 7 ноября 1915 года во время погрома в Новой Деревне была избита крестьянка Молчанова, якобы переплатившая за муку в одном из лабазов³⁶.

Следует заметить, что во время женских продовольственных погромов проявлялся как стихийно-иррациональный вандализм, так и вполне расчетливое поведение, в котором обнаруживается сознательная инициатива по низовому реформатированию экономического пространства, общественная самоорганизация в рамках традиционной логики. Примером первого можно считать бессмысленные акции по уничтожению товара, когда он просто разбрасывался по улице, топтался ногами, разрывался или резался на куски. Это были проявления аффективного характера, до которого женщины были доведены крайней нуждой и потому выплескивали эмоции на конкретных лавочников, желая им отомстить. Описывая подобное уничтожение товара летом 1914 года, корреспондент назвал это «женским самосудом»³⁷. Когда в феврале 1916 года в Баку случился четырехдневный погром, в донесениях свидетелей упоминалось как «истребление» товара, так и воровство. Газеты писали: «Беспорядки начались на базарах. Там женщины начали разбивать лавки со съестными припасами. Лавки громили, товары выбрасывали на улицу, часть уносили домой»³⁸.

Примером расчетливого поведения можно считать шантаж лавочников угрозами погрома, благодаря чему последние нередко шли на снижение цен. В июле 1915 года на Таганском рынке Москвы женщины подняли крик по поводу повышенных цен на молодой картофель, угрожая разгромом рынка, в результате чего купцы были вынуждены снизить цены. Случалось, что полиция, видя возбужденное состояние толпы, в целях предотвращения погрома разрешала под собственным присмотром произвести ревизию товаров в лавках, что произошло, например, в Подольске 1 сентября 1916 года³⁹. В других случаях

34 Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 8, 9 августа.

35 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 4. 1915. Д. 61, ч. 10, т. 2, л. А. Л. 108.

36 Там же. Д. 61, ч. 10, т. 5, л. А. Л. 122 — 122 об.

37 Петербургский листок. 1914. 26 июля.

38 Русские ведомости. 1916. 27 февраля.

39 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 42, ч. 3. Л. 2 — 2 об.

женщины искусственно создавали кратковременный беспорядок на рынке, чтобы похитить приглянувшийся товар. Так, 5 марта 1916 года после получения денег работницы вигониевой фабрики Шлихтермана в селе Богородском Московской губернии проходили через рынок, когда одной из женщин приглянулся ситец. Услышав его цену и возмущившись, она стала разбрасывать продукцию по земле. Ее товарки присоединились к этой акции, причем закончили погром так же быстро, как его начали (погром продолжался не более трех минут). Когда торговец собрал разбросанную мануфактуру, оказалось, что ситец был украден. Характерно, что другие вещи работницы не тронули⁴⁰.

Чувствуя свое возрастающее влияние, женщины на местах пытались оказывать давление даже на губернаторов. Так, начальник Владимирского губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции в декабре 1916 года: «Было много случаев, когда к дому губернатора стекались толпы женщин и подростков с нареканиями на недостаток или на невыдачу населению того или другого продукта, и был случай, когда губернатор лично повел эту толпу к Городскому Голове местному купцу Н.Н. Сомову»⁴¹. Характерно, что упомянутый эпизод с владимирским губернатором В.Н. Крейтоном преподносился в положительном ключе (как противодействие преданного царю губернатора либеральному городскому голове и депутату-прогрессисту Сомову), хотя опыт московского погрома мая 1915 года показывал опасность заигрывания с эмоциями толпы.

В апреле 1915 года Министерство внутренних дел, озабоченное ростом протестных погромов в различных частях империи, за подписью министра Н.А. Маклакова распространило секретный циркуляр губернаторам и градоначальникам, в котором призывало беспорядки «предупреждать и немедленно прекращать самыми решительными мерами, но при этом отнюдь не прибегать к действию оружием. Употребление оружия может вызвать сильнейшее раздражение населения против полиции и правительства»⁴². На основе этого циркуляра московский градоначальник А.А. Адрианов в том же месяце сделал распоряжение, в котором специально отметил недопустимость применения оружия против женских толп, «так как нельзя расстреливать жен и родных солдат, сражающихся на фронте»⁴³. Отчасти это распоряжение стало причиной пассивного поведения полиции во время майского антинемецкого погрома в Москве, однако прелюдией его можно считать беспорядки 5 апреля 1915 года на Преображенском рынке, в которых в концентрированной форме выразились характерные черты бабьего бунтарства.

Властями было объявлено, что погром произошел на почве дороговизны, однако в действительности торговля в то воскресное утро велась по ценам ниже таксы. Проблема была в том, что установленные городскими управами цены публиковались в газетах, однако необразованные и бедные женщины газет не читали, поэтому при определении дороговизны исходили из собственных представлений о справедливом ценообразовании (в частности, возмущались, что торговцы скупают товар по низким ценам, а продают его втридорога, что называлось мародерством). Дежуривший на рынке околоточный надзи-

40 Там же. Л. 1 — 1 об.

41 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 20, ч. 13. Л. 2 — 2 об.

42 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 42, ч. 3. Л. 3.

43 Русское слово. 1916. 16 января.

ратель Быков несколько раз по инициативе женщин перепроверял цены торговцев, и каждый раз они не превышали таксу. Это лишь усиливало недоверие хозяек к околоточному. Когда Быков очередной раз подтвердил цены в мясной лавке братьев Лебедевых, про старшего из которых ходили слухи, что он обставил свою квартиру золотыми вещами, в околоточного полетели камни. На Преображенский рынок был вызван пристав Шульц с городовыми, однако его появление направило экономический протест в политическое русло: «Долой полицию!»; «Зачем приехали? И без вас обошлось бы!»; «Приехали немцев защищать; наших там немцы бьют, а вы их защищаете!»; «Зачем полицию не берут на войну?»⁴⁴. В целях успокоения толпы цены на мясо у Лебедевых были снижены, однако это возымело обратный эффект: бабы усмотрели в этом подтверждение своих подозрений, что Лебедевы мародеры, в результате начался масштабный погром. К женщинам присоединялись мужчины. Предводительницами оказались две крестьянки — Елена Широкова и Мария Белых, — первая из которых направляла ненависть толпы на полицию, вторая — на торговцев. К часу дня на рынок прибыл помощник градоначальника полковник В.Ф. Модль (В.А. Марков)⁴⁵. Послышались свистки и крики: «Приехал немец бить нас!»; «На что нам немцы? Они рады, что у нас дорого!»; «Ура! Долой немцев, бей немцев, бей полицию!»⁴⁶. Характерно появление в этот момент «кровавого мальчика» — сильного архетипического образа, стимулирующего эмоцию ненависти: к полковнику подвели окровавленного подростка с разбитой головой. Сказали, что его ударил городской. После этого в Модля и сопровождавших его чинов полиции полетели камни. Раненый полковник хотел вернуться в свой автомобиль, но тот оказался занят возбужденными женщинами и подростками; тогда он попытался сесть в трамвай, но кондуктор его не пустил. Полковник решил уйти от толпы пешком, но на Стромынке кто-то ударил Модля камнем по голове, и он упал, потеряв сознание. В это время одна из женщин, Александра Бабкина, по-видимому, не участвовавшая в погроме, старалась защитить полковника: она предупредила его, что в толпе раздаются призывы его убить, а когда он оказался ранен, она перевязала его голову своим шарфом, пытаясь остановить кровь. Однако в результате досталось и ей: кто-то из толпы ударил ее по лицу, пригрозив, что ее бросят в Язу. В это время в толпе предлагали утопить в Язу самого Модля. В конце концов полиции удалось отбить полковника, а толпа продолжила погром магазинов на Преображенской площади и Черкизовском шоссе. Власти пытались остановить погром с помощью воинской части, но солдаты стали кричать: «Нас... бьют немцы, неужели мы из-за них будем еще стрелять в наших жен, сестер и братьев!» [Савинова 2007: 180]. Характерным эпизодом стало появление на Преображенской площади «русского» полицмейстера генерала В.Н. Золотарева. Толпа встретила его криками «Ура!», но потом брошенным камнем ранила в голову и его⁴⁷. Тем самым антиполицейские настроения оказывались сильнее германофобии.

44 Русское слово. 1916. 23 февраля.

45 Ирония ситуации заключалась в том, что Владимир Францевич Модль в 1915 году изменил свое имя на Владимира Александровича Маркова, но толпа не оценила это патриотическое преобразование и продолжала считать его немцем-предателем.

46 Там же.

47 Русское слово. 1916. 23 февраля.

Примечательно, что на суде некоторые свидетели-полицейские отказывались верить в стихийный характер погрома, доказывая, что он заранее был спланирован, указывая, что камни якобы поднимали не с земли, а доставали из карманов и из-за пазух, что мужчины использовали специально обработанные железные прутья. Тем самым погром пытались преподнести как технологию иностранных агентов революции. В этом обнаруживается конспирологическое мышление, приводившее к недооценке стихийной самоорганизации толпы и предопределявшее ошибочные стратегии властей, которые в итоге привели к революции.

Московский майский антинемецкий погром также начался с протестной активности женщин. 26 мая солдатки в количестве ста человек собрались на Тверской улице в надежде получить от Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны свою еженедельную работу — шитье для армии. Но им было объявлено, что нет пошивочного материала. Тогда женщины стали возмущаться. Проходивший в те часы по Тверской журналист И.В. Жилкин описал толпу:

Преобладали женщины, бедно одетые, в платочках, исхудалые, утомленные. У некоторых были дети на руках. Женщины эти или принимались что-то выкрикивать с надрывом и болезненным озлоблением, или замолкали, поджимая губы, с какой-то угрозой на темных лицах⁴⁸.

Корреспондент отметил, что одним из факторов раздражения был стоявший у входа большой, шикарный черный автомобиль. Толпа ждала, кто выйдет и сядет в него, вероятно, не из простого любопытства. Кто-то крикнул, что работы нет потому, что «немка» великая княгиня отдала все заказы немецкой фабрике «Мандль» (следует заметить, что заказы действительно были переданы бывшей австрийской фирме «Мандль», которая была преобразована в акционерное общество во главе с графом Татищевым, но по решению не великой княгини, а интендантского ведомства⁴⁹). Слухи о предательстве верхов уже давно будоражили общество, в числе главных подозреваемых среди малообразованной публики числились обе сестры — императрица Александра Федоровна (будто бы сообщавшая по телефону императору Вильгельму II военные планы России) и великая княгиня Елизавета Федоровна (будто бы скрывавшая в своем Марфо-Мариинском монастыре великого принца Гессенского), — поэтому данная версия была легко принята на веру⁵⁰. В сторону проезжавшего экипажа с великой княгиней раздавались проклятия, летели плевки и камни. К тому времени толпа распаленных женщин увеличилась до нескольких сот и стала угрожать штурмом здания, но подоспевший наряд полиции предотвратил беспорядки. Тем не менее по городу поползли слухи о произошедшем бабьем бунте на Тверской, возбуждая часть москвичей⁵¹. В последующие дни на улицы Москвы вышли представители разных социальных слоев и под патриотическими лозунгами устроили массовый разгром фирм иностранных и российских подданных с сопутствующими убийствами людей с немецкими фамилиями.

48 Жилкин И.В. Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 300.

49 Джунковский В.Ф. Записи прошлого: Воспоминания: В 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. А.Л. Паниной. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 563.

50 Более подробно о политических слухах см.: [Аксенов 2020; Колоницкий 2010].

51 Жилкин И.В. Московский погром... С. 301.

Характерны погромы, прошедшие в Петрограде в августе 1915 года в связи с «медным голодом», в которых экономические причины также были перемешаны с ксенофобиями военного времени. 17 августа в разных частях столицы случились погромы торговых заведений ввиду отсутствия разменной монеты. Охранное отделение отмечало, что «в этих беспорядках принимали участие главным образом женщины и подростки»⁵². Причиной стали слухи о том, что ввиду инфляции бумажный рубль сильно обесценится по сравнению с медной и серебряной монетой, в результате чего хозяйки с 14 августа начали ходить по лавкам и разменивать кредитные билеты на медь и серебро. Очень скоро владельцы лавок стали отказываться принимать бумажные рубли, объясняя это тем, что «кредитный рубль стоит 60 копеек», и требовали или серебряных рублей или принимали кредитные рубли за 60 копеек⁵³. Конфликты на этой почве вспыхивали не только на рынках, но и в трамваях, в кинематографах⁵⁴. 18 августа Государственный банк открыл в разных частях города разменные кассы, пытаясь удовлетворить «медный голод», но в районе Охтенского участка погромы магазинов продолжались, причем три чина полиции получили ушибы камнями. Петербуржец писал в Москву:

Вообще в городе был большой переполох из-за мелкой разменной монеты, разгромили везде много лавок. И у нас, на Охте, бабы устроили бунт, разбили почти все лавки в д[оме] П. Иванова... Были вызваны солдаты и конные городовые; убили одного городского⁵⁵.

Часть современников считала, что причина медного голода заключалась в специфике женской психологии. В статье «Вечернего времени» «Разменный психоз» сообщалось, что женщины «без всякой нужды собирали мелкую разменную монету, но теперь выяснилось, что она очень неудобна для ношения и хранения, а потому они стараются сдать ее обратно поскорее»⁵⁶. «Медный бунт» 1915 года был ожидаемо окрашен в цвета ксенофобии: многие женщины в удержании разменных денег обвиняли немцев и евреев. Так, 17 августа в Петрограде была разгромлена булочная швейцарского гражданина Мюллера, которого ошибочно приняли за немца и посчитали, что он прячет медь и серебро⁵⁷. Вплоть до октября обывателями обсуждались сообщения о задержании скупщиков-евреев якобы с сундуками медных денег⁵⁸. Тем не менее «разменный психоз» распространился далеко за пределы столицы, и некоторые обыватели еще долго продолжали делать запасы. Как отмечал начальник Витебского жандармского управления, в ночь с 5 на 6 января 1917 года во время рейда по поимке дезертиров в домах на окраинах Витебска «было обнаружено хранение серебряной монеты в значительном количестве в одном месте»⁵⁹.

8 сентября 1915 года начался антиперсидский погром в Астрахани (пострадали также этнические немцы и евреи). Его зачинщиками были ратники-

52 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 61, ч. 7, л. А. Л. 53.

53 Там же. Л. 57 об. — 58.

54 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 61, ч. 10, т. 4, л. А. Л. 44 — 44 об.

55 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 24.

56 Вечернее время. 1915. 27 августа.

57 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 61, ч. 7, л. А. Л. 92.

58 Дневник Л.А. Тихомирова... С. 104; Биржевые ведомости. Веч. вып. 1915. 2 октября.

59 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 126. Д. 10, ч. 4. Л. 1 об.

татары, но с 9 сентября усилилось представительство женщин. Помимо привычного стихийного течения, он отличался и вполне рациональным и в некотором роде «героическим» поведением баб: свидетели отмечали, что в то время, как одни погромщики просто уничтожали товар, другие, преимущественно женщины и дети, аккуратно его заворачивали и забирали с собой. Многих удивляло, с какой легкостью некоторые женщины убегали от полиции с мешками-пудовиками (16,3 кг) с мукой. После мучного ряда погромщицы переключились на магазин швейных машин компании «Зингер»⁶⁰. Участие в погроме женщин заставляло вызванных казаков пассивно наблюдать за грабежом⁶¹.

По мере накапливания опыта погромов, сопровождавшихся пассивностью властей, росло ощущение безнаказанности. Описывая челябинский бабий бунт 23 ноября 1915 года, полиция не без тревоги обращала внимание на сочувствие солдат погромщикам:

В толпе женщин было несколько нижних чинов, которые говорили, что если женщин-солдаток будут бить, то все казармы выступят на защиту женщин-солдаток, а в другом месте женщины говорили, что «если в нас заставят стрелять, то неизвестно еще, кто в кого будет стрелять»⁶².

Затягивание войны осложняло ситуацию с женскими погромами. Исследователи отмечают, что только за 1915 год в России было зафиксировано 654 бунта, вспыхнувших на почве роста цен и недостатка продовольствия, а с января по май 1916 года, то есть за неполные полгода, произошло уже 510 выступлений [Щербинин 2004: 266]. В январе 1916 года охранное отделение Петрограда отмечало «волну погромного настроения», поднятую слухами о том, что «в ближайшем будущем столица окажется совершенно лишенной предметов первой необходимости и что неимущим классам угрожает опасность голодовки»⁶³. При этом появившаяся в низах населения идея устроить погром преподносилась как способ «обратить внимание администрации на различные злоупотребления в деле обеспечения столицы продуктами». На практике погром был направлен не только против мародеров-лавочников, но и администрации, не справлявшейся с распределением товаров.

В 1916 году системный кризис в империи все чаще проявлялся в усилении внутренних этнических конфликтов, накладывавших свой отпечаток и на бабьи бунты. Впрочем, современные исследователи отмечают, что даже в период Среднеазиатского восстания 1916 года в бабьих бунтах решающими были именно классово-гендерные, а не национальные противоречия [Morrison 2023: 36]. Тем не менее нередко именно вспышки женских эмоций запускали механизм националистических страстей. Седьмого мая 1916 года в Красноярске произошел большой антиеврейский погром, начавшийся с очередного бабьего бунта. Современник так описывал события:

В мясной лавке крупного торговца Марксона бедная солдатка затеяла спор по поводу отпущенного ей недоброкачественного мяса с приказчиком лавки, как гово-

60 Против этой американской компании было предубеждение, что она немецкая, которое использовалось в качестве повода для грабежа.

61 РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 363. Л. 3 — 4 об.

62 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 47, ч. 3. Л. 112.

63 Там же. Д. 4. 1916. Д. 61, ч. 9, л. А. Л. 9.

рят евреем — пленным австрийцем⁶⁴. Во время перебранки последний куском мяса ударил покупательницу два раза по лицу... Кто-то крикнул: «Жида бьют солдаток», — и началась свалка. Первой разгромили мясную лавку Марксона на базаре, а потом начали громить все лавки подряд, а спустя 20—30 минут толпа женщин и подростков громила окна магазинов на Большой ул., сначала без разбора, а позже только еврейские. Одновременно с разгромом начался грабеж. По городу в разных местах одновременно толпы баб и разных подонков общества в 20—30 человек разбивали и грабили магазины, мелочные лавки, еврейские дома, торговые бани и проч... Однако ни усиленные наряды полиции, ни солдаты, ни тем более казаки не препятствовали толпе бесчинствовать и грабить... Можно было наблюдать такие картины: у мелочной лавки стоят 15—20 человек солдат с винтовками. Лавку громит толпа в 5—10 человек баб и подростков, которая, выходя из разграбленной лавки, угощает награбленными папиросами солдатиков... По городу носятся упорные слухи, что солдаты убили прикладами жандармского ротмистра, зарубившего солдата за неисполнение приказа бить баб прикладами⁶⁵.

В 1916 году бабьими бунтами было охвачено Поволжье. Большой погром, вызванный недовольством хозяек от продажи тухлого мяса, произошел в Самаре 5 ноября 1916 года. Во время него было разгромлено 56 лавок и магазинов. 12 июля 1916 года бабий бунт в Симбирске, во время которого погибло три человека и десяток оказались ранеными, обсуждался на секретном заседании Совета министров⁶⁶.

Женский фактор социально-политического кризиса кануна российской революции осознанно или нет отмечался разными современниками и входил в российское семиотическое пространство. Например, характерна карикатура декабря 1916 года, на которой Россия была изображена «упрямой бабой», противостоявшей городовому. Городовой, засучив рукав и сжав кулак, орет на бабу: «Да ты оглохла, что ли? Тебе говорят, осади назад, а ты все вперед прешь!!!»⁶⁷ Тогда же в Москве состоялась очередная выставка работ Малявина, на которой он представил своих как прежних, так и новых «баб». Критик записал впечатления от выставки:

Красная баба идет... Кажется, она все испепелит и своротит на своей дороге. Гудит эта картина, к зрительному впечатлению как будто примешивается и слуховое... Страшные бабы... Недаром Малявин возвращается к ним так настойчиво. Он в них почувлял Россию⁶⁸.

Предчувствия художников и критиков оправдались. Российская революция 1917 года началась с очередного бабьего бунта — петроградские пролетарки вышли в День женщины-работницы 23 февраля на улицы города с требованиями хлеба и прекращения войны, увлекая за собой рабочих-мужчин, а затем

64 По другим сведениям, это был не еврей-военнопленный, а еврейка-торговка, поздоровившая с покупательницей.

65 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1045. Л. 40 — 40 об.

66 Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (Записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина и др.; примеч. Р.Ш. Ганелина и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 348.

67 Вечернее время. 1916. 27 декабря.

68 Московский листок. 1916. 20 декабря.

студентов, солдат, представителей интеллигенции и простых обывателей. Характерно, что современники не сразу опознали в очередных продовольственных беспорядках начало революции — сказывался стереотип об обязательном организованном и целерациональном характере революционных выступлений, а также недооценка бабьего бунта. Справедливо считается, что именно участие женщин повысило шансы на победу Февральской революции, так как направленные на подавление бунта конная полиция и казаки изначально действовали более сдержанно, воспринимая женщин в качестве матерей солдат, проливающих кровь на фронте, а затем и вовсе перешли на сторону восставшего народа. Помимо этого, истеричными криками бабы подстегивали революционно настроенных мужчин, заставляя их действовать более решительно [Булдаков 1997: 55]. В 1917 году женские бунты продолжались, и уездные комиссары докладывали, что иногда отправленные на их подавление солдаты просто разбежались, не желая связываться с крестьянками⁶⁹.

Бабье бунтарство выступает своеобразной лакмусовой бумажкой социально-психологических процессов, предшествовавших Февральской революции 1917 года: архаизации сознания и возрастания роли слухов как фактора протестной активности, усиления ксенофобии и связанных с ними этнических стереотипов, аккумуляции ненависти к низовым представителям власти (прежде всего полиции). Кроме того, специфическими чертами бабьих бунтов можно считать повышенную эмоциональность и агрессивность, связанную не только с отмеченными психологическими особенностями малообразованных крестьянок и работниц, оказавшихся в годы войны в особенно ущемленном положении, но и чувством безнаказанности, развивавшимся ввиду более лояльного к ним отношения со стороны патриархально мыслящей полиции, казаков и солдат. Распространявшееся за пределы сельской местности насилие крестьянок, беженок превращало города в пространство эмоциональных, культурных, социально-политических конфликтов и в каком-то смысле «раскультивировало» современный город. При этом женское погромное движение нельзя объяснять исключительно экономическими факторами военного времени, в нем проявился социально-ролевой конфликт традиционного и современного статусов женщины.

Библиография / References

- [Аксенов 2020] — Аксенов В.В. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Aksenov V.V. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914—1918). Moscow, 2020.)
- [Берн 2001] — Берн Ш. Гендерная психология / Пер. с англ. С. Рысев и др. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-Пресс, 2001. (Burn Sh. The Social Psychology of Gender. Saint Petersburg. Moscow, 2001. — In Russ.)
- [Булдаков 1997] — Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

69 Крестьянское движение в 1917 году / Подгот. к печати К.Г. Котельников и В.Л. Меллер. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 278.

- (*Buldakov V.P. Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya. Moscow, 1997.*)
- [Забуга 2010] — *Забуга Н.А.* Протестные выступления рабочих Лысьвенского завода в 1914 г. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сборник материалов четвертой региональной молодежной научной конференции / Отв. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 131—137.
- (*Zabuga N.A. Protestnye vystupleniya rabochikh Lys'venskogo zavoda v 1914 g. // Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sbornik materialov chetvertoy regional'noy molodezhnoy nauchnoy konferentsii / Ed. by R.E. Romanov. Novosibirsk, 2010. P. 131—137.*)
- [Кобытов 1999] — *Кобытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Самара: Изд-во СГУ, 1999.
- (*Kabytov P.S. Russkoe krest'yanstvo v nachale XX veka. Samara, 1999.*)
- [Кирьянов 1993] — *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — февраль 1917) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3—18.
- (*Kir'yanov Yu.I. Massovye vystupleniya na pochve dorogovizny v Rossii (1914 — fevral' 1917) // Otechestvennaya istoriya. 1993. No. 3. P. 3—18.*)
- [Колоницкий 2010] — *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- (*Kolonitsky B.I. "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2010.*)
- [Моц 2021] — *Моц А.* Психология женского насилия. Преступление против тела / Пер. с англ. Е. Вейцман. М.: Когито-центр, 2021.
- (*Motz A. The psychology of female violence. Crimes against the body. Moscow, 2021. — In Russ.*)
- [Савинова 2007] — *Савинова Н.В.* Антинемецкие настроения населения российской империи в 1914—1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 2. С. 179—186.
- (*Savinova N.V. Antinemetzkie nastroyeniya naseleeniya rossiyskoy imperii v 1914—1917 gg. // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2007. Iss. 2. P. 179—186.*)
- [Стайтс 2004] — *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860—1930 / Пер. с англ. И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. М.: РОССПЭН, 2004.
- (*Stites R. The women's liberation movement in Russia. Moscow, 2004. — In Russ.*)
- [Шестаков 1927] — *Шестаков А.В.* Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 г. Л.: Прибой, 1927.
- (*Shestakov A.V. Ocherki po sel'skomu khozyaystvu i krest'yanskomu dvizheniyu v gody voyny i pered oktyabrem 1917 g. Leningrad, 1927.*)
- [Щербинин 2004] — *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004.
- (*Shcherbinin P.P. Voennyy faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII — nachale XX v. Tambov, 2004.*)
- [Энгельштейн 1996] — *Энгельштейн Л.* Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX—XX веков / Пер. с англ. В. Павлов. М.: Терра, 1996.
- (*Engelstein L. The keys to happiness. Sex and the search for modernity in fin-de-siècle Russia. Moscow, 1996. — In Russ.*)
- [Энгл 2010] — *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. История. 2010. Т. 4. № 1. С. 148—178.
- (*Engel B. Ne khlebom edinyim: zhenshchiny i prodovol'stvennye besporядki v Pervuyu mirovuyu voynu // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Istoriya. 2010. Vol. 4. No. 1. P. 148—178.*)
- [Astashov 2022] — *Astashov A.B.* Women's Labor on Russia's Defence in the First World War: Work and Gender // Women and gender in Russia's Great War and Revolution, 1914—1922 / Ed. by A. Lindenmeyr, M.K. Stockdale. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2022. P. 79—103.
- [Badcock 2004] — *Badcock S.* Women, Protest, and Revolution: Soldiers' Wives in Russia During 1917 // International Review of Social History. 2004. Vol. 49. Iss. 1. P. 47—70.
- [Baker 2001] — *Baker M.* Rampaging Soldatki, Coweering Police, Bazaar Riots and Moral Economy: The Social Impact of the Great War in Kharkiv Province // Canadian-American Slavic Studies. 2001. No. 2—3. P. 137—155.
- [Davydov, Kozlova 2022] — *Davydov D., Kozlova O.* Emancipation "Soviet-style": Changes in the Status of Rural Women, 1914—27 (Based on Materials from Kazan' Province and the Tatar Republic) // Women and gender in Russia's Great War and Revolution, 1914—1922 / Ed. by A. Lindenmeyr, M.K. Stockdale. Bloomington, Indiana, 2022. P. 53—77.
- [Gerasimov 2018] — *Gerasimov I.* Plebeian modernity: social practices, illegality, and the

- urban poor in Russia, 1906—1916. Rochester: Boydell & Brewer, 2018.
- [Kuhlman 2008] — *Kuhlman E.* Reconstructing Patriarchy after the Great War: Women, Gender, and Postwar Reconciliation between Nations. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- [Morrison 2023] — *Morrison A.* Bab'i Bunty in Semirech'e: Gender, Class, and Ethnicity in Central Asia during the First World War // *Revolutionary Russia*. 2023. Vol. 36. No. 1. P. 34—55.
- [Smith 2011] — *Smith S.A.* 'Moral economy' and peasant revolution in Russia: 1861—1918 // *Revolutionary Russia*. 2011. No. 24. P. 143—171.
- [Worobec 1991] — *Worobec C.* Victims or Actors? Russian Peasant Women and Patriarchy // *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800—1921*. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 177—206.